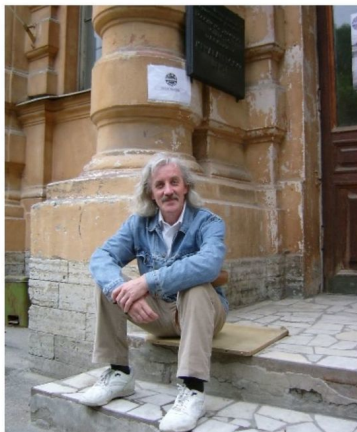

Валентин Иванов

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Валентин Яковлевич Иванов

Хроники научной жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43113855

ISBN 9785005006585

Аннотация

Книга погружает читателя в атмосферу научной жизни одного из академгородков, показывая специфику взаимоотношений людей науки в академической среде. Учёные никогда не были высокооплачиваемыми, наука чаще привлекала талантливых, бескорыстных романтиков, манила их мечтой о познании Вселенной, но специфика организации научной жизни, соперничество за приоритет творческих достижений часто порождает атмосферу интриг, временных союзов одних групп и научных школ против других.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. Универ	11
Поступление	11
Наука начинается с учёбы	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Хроники научной жизни

Валентин Яковлевич Иванов

© Валентин Яковлевич Иванов, 2019

ISBN 978-5-0050-0658-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Представителям нашей благородной профессии,
не потерявшим с годами ощущения романтики
и красоты, посвящается эта книга.*

Есть такая расхожая фраза: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом». Применительно к человеку, который избрал научные исследования своей профессией, её можно было бы перефразировать так: «Плох тот аспирант, который не мечтает стать академиком».

Карьера военного от солдата до генерала представляется нам гораздо более простой по структуре. В самом деле: призвали на срочную службу – рядовой, учебка – ефрейтор, окончание срочной службы – сержант, военное училище – лейтенант, служба в дальних гарнизонах – капитан, участие в военных конфликтах в горячих точках – майор, монотонная служба в хороших военных округах – подполковник, военная академия – полковник, правильное поведение с вышестоящим начальством и, главное, дисциплина, преданность и терпение – вот и желанные лампасы и седые виски. Конечно, есть и ускоренные варианты – слетать в космос, стать Героем России или, наконец, удачно жениться. Опять же, хороший оклад за должность, за звёздочки, паёк, предусмотренные уставом формы одежды и служебные квартиры с мебе-

лью и посудой в обмен на беспрекословное подчинение приказам не всегда умных начальников и лишения в дальних гарнизонах – в Заполярье, в пустынях, на Дальнем Востоке. Вариантов неожиданных поворотов в карьере сравнительно немного: уличение в продаже оружия, убийство при неосторожном обращении с оружием, наконец, коррупция в особо крупных размерах.

Число этапов и многообразие неожиданных поворотов карьеры учёного характеризуются гораздо большим разнообразием: школа – аттестат, в лучшем случае – серебряная или золотая медаль, дипломы победителя международных олимпиад; затем поступление в институт, а лучше – в университет, причем победитель олимпиад зачисляется без экзаменов, а обладатель золотой медали зачисляется, если первый экзамен сдал на «отлично»; по окончании университета – рекомендация в аспирантуру или зачисление в научный институт стажёром-исследователем – это нищенская зарплата на три года и проживание в обшарпанной комнате общежития; если после аспирантуры представлена диссертация – подготовка к защите, иначе – должность лаборанта, инженера, в лучшем случае – мэ-нэ-эса с той же нищенской зарплатой и общежитием; после защиты кандидатской начинаются небольшие улучшения – повышение зарплаты и, в лучшем случае, переезд в однокомнатную квартиру, которая при наличии двоих детей может превратиться в двухкомнатную; публикации, конференции, преподавание, накопление ин-

формации, написание монографии – представление докторской; если в кандидатской политики 10%, то в докторской это уже 80%, а дальнейшие шаги – учёный секретарь, завлаб, завотделом, замдиректора; академик – это 100% политики и, возможно, директор института. Затем инфаркт или инсульт, пенсия, похороны.

Процесс защиты диссертации напоминает жёсткий квест, в котором дерзкий рыцарь, смелый охотник или крутой спортсмен-качок преодолевает невероятные препятствия – сложнейшие лабиринты с полом, проваливающимся в мрачные, холодные пещеры, с выскакивающими из стен смертельно ядовитыми копьями или кинжалами, с вращающимися острыми лезвиями огромных мясорубок, с злобными демонами или зомби невероятной силы и живучести и прочими необходимыми атрибутами, олицетворяющими хитрость, восточное коварство, в конечном итоге – неизбежную смерть. Квест всегда многоэтапный, причём проходящий его впервые никогда не знает, сколько этапов следует преодолеть, и все его устремления сфокусированы на том, чтобы выйти живым из текущего этапа. Тем немногим счастливицам, которые смогли преодолеть все, казавшиеся бесконечными, препятствия, на выходе достаётся сундук с золотом или прелестная гурия в качестве награды.

Главное отличие соискателя учёной степени от бесстрашного рыцаря состоит в том, что проигравший квест теряет одну из игровых жизней, коих обычно бывает не менее пя-

ти, и потому, прервав игру, он садится пить кофе с коньяком или смотреть телесериал, чтобы успокоить возбуждённую в процессе игры нервную систему. В защите диссертации потерпевший фиаско теряет немалую толику реальной жизни, а иногда и всю её целиком. Те, кто проиграл, но выжил, испытывают такой стресс, что повторить попытку решается, пожалуй, не более чем один из двадцати, поскольку жизнь у каждого из нас всего одна.

Впрочем, в реальной жизни такой квест начинается задолго до самой защиты, и окончание этого квеста вовсе не наступает с окончанием защиты, а завершается только получением (или не получением) диплома о присвоении искомой учёной степени. Период между защитой и получением диплома занимает, в среднем, год, а иногда растягивается на годы. Нередки случаи, когда обнаруженные после выдачи диплома нарушения в процессе защиты (плагиат или какой-либо сфальсифицированный из великого множества документ, подделанная подпись или печать) заканчиваются аннулированием выданного диплома и позором на всю оставшуюся жизнь. Позор этот ложится не только на соискателя степени, но и, в какой-то степени, на Совет, в котором он защищался.

Началом диссертационного квеста следует считать вовсе не начало обычно длительного процесса написания текста самой диссертации, а серию выступлений на семинарах, где соискатель представляет результаты диссертационной работы. Во-первых, ему нужно получить согласие специалистов,

которые должны стать официальными оппонентами, и организации, которая носит название ведущей организации. Во всех этих местах нужно выступить и получить отзыв от семинара. Затем, нужно представить диссертацию в своём институте или университете, а также в той организации, где есть предполагаемый Совет по защитам, если защита предстоит не в своей родной организации. Не факт, что все эти выступления встретят на семинарах дружное одобрение и поддержку диссертационной работы. В ненадёжных или откровенно провальных случаях нужно искать другие организации, оппонентов и Советы по защитам. Так что эти начальные этапы квеста представляют некий итерационный процесс, скорость сходимости которого иногда трудно даже оценить, поэтому для длительной гонки соискатель должен иметь очень крепкие нервы и олимпийскую выдержку.

Вы скажете: «Да ты, приятель, пессимист! Известны случаи, когда соискатель представлял кандидатскую, а на блестящей защите Совет засчитал её как докторскую», и я отвечу: «Конечно. Чудеса бывают, но они потому и называются чудесами, что происходят не чаще, чем раз в сто лет, в одном из миллионов случаев». На деле же, я вовсе не пессимист, а человек, который сам прошёл такой квест дважды (защитив обе диссертации без единого чёрного шара, но потерявший немало запасов нервной энергии и веры в гуманность человечества) и лично наблюдавший десятки квестов других соискателей, среди которых было не так уж мало весь-

ма грустных историй, а были и такие, которые заканчивались смертельным исходом. Для меня неизменным способом выживания в моих квестах было философское отношение к результату, как единственному условию сохранения психического здоровья.

Конечно, можно было просто жить и наслаждаться процессом постижения гармонии мира, но для меня в обоих случаях защита диссертации была способом выживания человека, которому не оставляли права на выбор.

Валентин Иванов, 20 июня 2019 года

ГЛАВА 1. Универ

Поступление

Что ни говори, а морская жизнь Вене нравилась. Ему было девятнадцать, когда после восьми лет школьного образования, закончив Сахалинскую мореходку, он пошел работать радистом на плавучий консервный завод «Чернышевский» дальневосточного управления «Дальрыба». Морская романтика, отдельная каюта, прекрасный старикан – начальник радиостанции и много красивых девушек, работавших, главным образом, на рыбных конвейерах. Именно среди них Вени и присмотрел себе веселую и очаровательную блондинку, с которой посетил все пляжи, кинотеатры и танцплощадки Владивостока, Находки а также некоторых других городов Приморья и Сахалина. Девушку звали Вaley. Когда они вдруг осознали, то, что между нами возникло – это не просто страсть или увлечение, а то, не слишком часто посещающее людей чувство единственности предназначения, которое принято называть любовью, следовало обдумать совместные жизненные планы хотя бы на ближайшее будущее. Согласовывать эти планы было практически не с кем. Валины родители погибли в первые же дни войны, а её саму в грудном возрасте сдали в детдом. Отец Вени к тому вре-

мени умер, так что оставалось известить мать, которая жила на Сахалине.

Ещё даже не видя невесты, мать высказала резко отрицательное отношение к его женитьбе, ссылаясь на Венин юный возраст, неустроенность в жизни и необходимость учиться дальше. Аргументы о том, что Веня в ещё более юном возрасте поступил в мореходку и далее уже устраивал свою жизнь сам, а женитьба учебе – не помеха, мать не убеждали. Что говорить, бытует в народе стойкое убеждение, что портовые города – вертепы разврата, портовые девки – само олицетворение разврата, а уж те, что в море – и вовсе отпетые. Небось, такая вот оторва запудрила мозги моему несмышленьшу, окрутила его, приворожила своими бесстыдными прелестями... Знакомство с невестой еще больше укрепило её в своем мнении. «Опытная, – решила мать, – такая хоть кого окрутит». Невеста была старше Вени на семь лет. Разговор не получился. Единственным его положительным итогом было то, что обе женщины решили за Веню, что ему следует учиться в университете. Ниже планку опускать никак нельзя. Оставалось только выбрать, в каком именно.

Надо сказать, что ещё— в мореходке Веня проявлял любопытство к самым разнообразным и неожиданным вещам. Читал всё подряд, что попадало в мои руки: математическая логика, стенография, эсперанто, кибернетика, интегральное исчисление, искусство эпохи Возрождения. Веня уже где-то вычитал, что элементарные частицы состоят из кварков.

Конечно, большую часть уравнений и рассуждений в таких умных книжках Веня не понимал. Но слова эти загадочные «априори», «перцепция» и прочие ему нравились, и Веня продолжал читать дальше. Дотошность его доходила до того, что страшно захотелось узнать, а что там дальше? Что лежит в самой основе? В общем, профессия физика-ядерщика представлялась весьма заманчивой. Получив общие директивы относительно выбора университета, Веня задумался. В московский – ехать далековато с Дальнего Востока. Москва, как известно, город нахальный: затолкают, оттеснят, затопчут пронырливые москвичи. Да и денег на обратную дорогу может не хватить. Остановился на новосибирском. Во-первых, Веня там уже побывал проездом, когда проводились соревнования по радиоспорту в Барнауле. Ну а, во-вторых, ему очень понравился Академгородок: весь в зелени, в двух шагах пляж Обского моря, белки прямо с рук едят на дорожках. Итак, решено – едем в Новосибирск.

Самоуверенности и даже эдакого нахальства у него было – хоть отбавляй. Мореходку Веня закончил с красным дипломом. А тут ещё маманя прислала газетку, в которой говорилось, что выпускники с золотой медалью или красным дипломом, сдавшие первый экзамен на «отлично», автоматически освобождаются от дальнейших экзаменов и зачисляются в университет. Ясное дело, – решил Веня, – это для меня. Узнал, какой экзамен сдают первым на физфак. Оказалось – математика. Веня приступил к подготовке. Когда крупное

судно выходит в пугину, на нём по штатному расписанию положено иметь двух преподавателей, которые организуют нечто вроде вечерней школы для желающих, примерно как в фильмах «Весна на Заречной улице» и «Большая перемена». Обычно это молодые выпускники пединститутков, жаждущие хлебнуть морской романтики, а заодно и заработать денег. Труд в море тяжёлый, и желающих учиться совсем немного для коллектива в шестьсот человек, как на Венином судне. Поэтому большей частью эти весёлые молодые пареньки преподают красивым девушкам предметы, не предусмотренные стандартными программами. Они-то и снабдили его «задачником для поступающих в МГУ».

Заступив на вахту и отстучав на радиоцентр накопившиеся радиограммы, Веня включал приемник и раскладывал на столе свой задачник и тетрадки. Краем уха следил за эфиром и погружался в немного подзабытый мир тригонометрии и алгебры. Какие-то задачи щёлкались легко, другие требовали раздумий, а некоторые и вовсе непонятно было как решать. В последнем случае он, рассуждая по-философски, что все задачи всё равно не перерешать, переходил к следующим. Иногда спрашивал совета у преподавателей. Впрочем, он быстро выяснил, что знает математику примерно так же, как и они. Документы отправил по почте и ждал вызова на экзамены. Долго сидеть над книжками не привык. Кроме своей работы, требовалось время для занятий штангой в спортзале и обучения игре на аккордеоне. Подрабаты-

вал также на разгрузке продукции из трюмов. Да и девушке следовало уделять внимание.

Наконец приходит вызов. Веня уже предвидел, что будут определённые проблемы. Дело в том, что распределение на суда в мореходке было раньше госэкзаменов. Распределили по стандарту в «Сахалинрыбпром». Когда он получил красный диплом, пошёл устраиваться в торговый флот в Холмске, поскольку мечтал о кругосветках и экзотических странах. Теоретически диплом с отличием давал право на свободное распределение. В мореходке сказали, что они уже над Веней не властны: иди, мол, парень, мы сделали для тебя всё, что смогли. В торговом пароходстве на диплом посмотрели с интересом. Сказали, что хорошие специалисты нам нужны, но возьмите лучше по месту распределения открепительный талон, чтобы потом не пришлось с ними судиться. Веня пошел в отдел кадров «Сахалинрыбпрома». За столом сидел совершенно лысый кряжистый мужик, чем-то неуловимо похожий на Чингиз-хана. По одному его виду можно было предположить, что такой сможет выдуть бутылку водки одним махом из горлышка, предварительно раскрутив её, и останется совершенно трезвым. Когда Веня изложил «Чингиз-хану» суть своей просьбы, тот просто расцвёл от его детской наивности: «Да как же мы можем так вот запросто отпустить ценного специалиста. Они у нас на вес золота. Да Вы не сомневайтесь, мы Вам лучший корабль нашей флотилии подберем. Выбирайте!». И он швырнул моло-

дому специалисту этот список.

Помня эту предысторию, Веня пошёл наводить осторожные справки у кадровички на судне. Это была пухлая тётка бальзаковского возраста, переполненная нерастраченными запасами материнской нежности. Если вы придете к ней, скажем, посоветоваться насчет рецепта засолки грибочков или выращивания кактусов в горшках, разговор будет долгим и неторопливым в сопровождении чая с вареньем. Но стоит вам обратиться по вопросу, касающемуся её профессии, как все кадровики мира становятся похожими на одно лицо, утвержденное инструкцией и заверенное круглой гербовой печатью.

– Нет-нет, Вам, милоч, нужно сначала отработать три годика по месту прямого распределения. Государство на Вас потратилось, будьте добры ему должок возвернуть, – ласковым голосом пропела тётка.

Начальник радиостанции подсказал Вене, что есть один вариант, не караемый нашими суровыми, но справедливыми законами: поступать на заочное отделение. Именно его Веня и стал проталкивать. Конечно, он не собирался отягощать себя «заушными знаниями», но сама наша жизнь как-то подталкивает врать с самого детства.

ление. Полтора месяца было отпущено, чтобы «подумать». Когда судно снова посетит этот «нашенский» город, было непонятно, но им выдали справку, по которой можно оформить отношения в любом другом городе по истечении указанного срока. Наконец пришел вызов на экзамены. Поцеловав свою подругу, Веня простился с дружками и спустился по скользкому шторм-трапу на катер, который отвёз его в порт. Уходил он с судна в самом разгаре путины, когда моряки зарабатывают очень хорошие денежки, но будущее было Вене назначено иное, никто не знает кем.

Всего четыре часа полёта, и вот он уже выходит по трапу в аэропорту Толмачёво. Было прекрасное летнее утро. Солнышко жарило уже на всю катушку, щедро обещая впереди жизнь полную невероятных приключений и встреч с исключительно умными людьми. Прямого автобуса в академгородок тогда еще не было, но часа через полтора Веня вышел на конечной остановке и углубился в тенистую берёзовую рощицу. В автобусе познакомился с девушкой, которая оказывается работала в университетской столовой. В отличие от портовых городов с их запахом рыбы, водорослей и моря, здесь поражала непривычная чистота улиц, домов и обилие зелени.

В приёмной комиссии университета заполнил какие-то бланки и получил направление в общежитие. Для человека, привычного к бродяжьей морской жизни, новизна впечатлений – это та же пища, без которой жизнь кажется пресной.

В общежитии предъявил комендантше талон, получил постельное бельё и узнал номер своей комнаты. Познакомился с народом. Веня был старше каждого из них на год-два из-за своей рабочей биографии. Народ, не сказать, чтобы совсем простой. Вот Олег – неуклюжий увалень, похожий на медвежонка, даже прихрамывает на левую ногу. Окончил физмат-школу (ФМШ) при университете. Сидит босой на койке и лениво пощипывает гитару, напевая «А вокруг по утрам туман...». Селим – щупленький, тихий, с очень умным взглядом, что-то пишет в тетрадке, закончил ФМШ вместе с Олегом. Каково же было удивление Вени, когда он узнал потом, что именно пишет этот парнишка. Оказывается, это он программирует на языке «альфа» для электронно-вычислительных машин (слова «компьютер» тогда еще не было в ходу). Все слова, кроме предлогов, в предыдущем предложении для Вени были абсолютно новыми. ЭВМ он тогда ещё не видел, хотя читал, конечно, о них. О языках программирования даже не слышал. Третий парень был попроще – Витя Сеницын из Барнаула, закончил школу с серебряной медалью. Он приехал поступать вместе с сестрой, только сестра нацелилась на матфак, а он – на физику. Сестра, кстати, была с золотой медалью. Это и понятно: девчонки усидчивее, они науки задним местом берут. А вот родители у них были какие-то тамошние партийные шишки. Витя сказал Вене с гордостью:

– Папаня обещал подарить «Жигуля», если поступлю.

Веня уточнил:

– А если не поступишь?»?

Он ответил с отвращением:

– Тогда мотоцикл. – и добавил, – «Ява».

Не известно, чем именно Веня приглянулся Виктору, но тот буквально приклеился к нему и в первый же день предложил:

– Давай готовиться вместе. Так веселее.

Веня всегда был человеком покладистым. Особенно, если дело касалось не очень принципиальных вопросов. Тем более, в компании заниматься, действительно, веселее. Эти занятия он представлял себе примерно так: завтракаем, садимся решать задачи, затем обед. После обеда идём на пляж, а вечером знакомимся со всеми местными достопримечательностями. Но Витя оказался сущим тираном.

Занимались втроем, вместе с его сестрой. После обеда, он клал Вене руку на плечо, предотвращая попытку сбежать на пляж, и жёстко изрекал:

– Поехали дальше. До экзамена осталось всего четыре дня.

Веня так и не смог понять, почему соглашался, покорно вздохнув. Впрочем, чем дальше занимались, тем реже слово «пляж» всплывало в его голове, хотя все эти дни солнце палило немилосердно. Настроение с каждым днем падало все ниже и ниже, а от прежнего нахальства насчет поступления

не осталось и следа. Присмотревшись к поступающему контингенту, Веня задал себе вопрос: «Парень, куда ты попал?». Вопрос был далеко не праздный. Только из одной его комнаты двое были «фымышатами», а сколько их во всем потоке? Эти ведь ребята штудировали высшую математику по-серьёзному, с преподавателями, а не как ты – из любопытства, когда и спросить-то вокруг некого. Они даже программирование проходили! А ты и слова такого раньше не слышал. Да тот же Витя и его сестра эти тригонометрические неравенства как орешки щёлкают, не в пример тебе. А ты и школы-то нормальной не закончил: восемь классов, а потом за год в мореходке все общеобразовательные предметы проскочили. Да их ведь целый год в выпускном классе натаскивали, как сдавать экзамены, а у тебя – всё вахты, штанга да любовь, понимаешь, по самые уши. Конечно, все эти раздумья расслабляли волю. Вот потому он и рад был отчасти, что Витя буквально насилывал его этими задачками.

Наконец настал последний день перед экзаменом. Он прошел, как и все предыдущие, хотя запал уже был явно не тот. Наши «фымышата» демонстративно игнорировали всякую подготовку, исчезая на пляж на целый день. Вечером все сходило в студенческую столовку поужинать. Взяли беф-строганов с картошкой и компот. Ночью дрыхнул, как бревно. На сон он, вообще, никогда не жаловался. А вот пробуждение было кошмарным: дикие боли в животе, тошнота и вялость. Оказывается все отравились несвежим мясом за ужи-

ном. Другие ребята сходили в туалет – вроде, полегчало – да и двинули на экзамен. А с Веней что-то жуткое творится: в желудке все бурлит и клокочет. Два пальца в рот совать – уже поздно, за ночь все токсины в кровь всосались. Тут только полное промывание желудка поможет. Лежит в одиночестве в комнате и думает: «Это что же за напасть такая? С самого края света приехал, и надо же перед экзаменом такому приключиться. Нет, чтобы вчера это произошло. Пошел бы в медпункт, хоть справку взял бы, по которой перенесли бы мне экзамен, с другим потоком сдал бы». Представлял глаза своих дружков, когда возвратится обратно на судно. Они не очень-то верили, что в его поступление. Пусть, – думают, – прокатится салага, отдохнёт, развлечётся. Да куда он от нас денется?. А уж когда представил взгляд своей невесты, и вовсе взвыл: «Что я ей скажу? Не поступил, мол, из-за поноса перед главным экзаменом, а так-то я умный, не сомневайся!»

Понял, что выбора у него нет. И возврата на судно тоже не будет. Это точно. Уж какие там волевые центры включил, какие мантры пробормотал – не помнил. Только собрался как-то, даже успокоился, насколько это вообще было возможно, в таком положении. Снялся с якоря и двинулся по направлению к главному корпусу. Ветерок немного освежил по пути. А своим бледным или даже зеленоватым видом, вряд ли кого мог удивить: в этот день многие имели схожий вид, даже не получив отравления. Просто день такой,

необычный – первый экзамен.

Входит в Большую физическую аудиторию, берёт билет. Экзаменаторы указывают место. Там все ряды длиннющие такие, человек двадцать помещается. Но теперь всех рассаживают по пять человек в ряд с большим промежутком, чтобы не списывали друг у друга. Вене досталось место прямо посередине ряда. Впереди была ниша, в которой размещался эпидиаскоп. Справа сидит щупленький такой мальчик с интересной фамилией – Чайковский. Фамилию Веня увидел, проходя мимо, когда усаживался. На письменный экзамен отводится пять часов. За это время нужно решить пять задач, написанных на доске перед абитуриентами. Прочитал первую и почувствовал, как струйка пота пробежала между лопатками. Ни малейшей идеи, как подступиться к решению. Ладно, – подумал, – не будем здесь терять времени. Читает следующую – прямо плакать хочется – то же самое, что и с первой. Впрочем, то же было и с двумя следующими. Ситуация полной паники. Таким болваном он себя ещё никогда не ощущал. Переходит к последней: тригонометрическое неравенство. Ну, этих-то они с Витей вагон перещёлкали. Начинает перегонять синусы в косинусы, а произведения преобразовывать в суммы и наоборот. Наконец, что-то там выпадает в осадок. На вид – громоздкое, сразу необразишь, правильное или нет. За этим делом мысли потихоньку устаканиваются, пульс становится ровнее, в пересохшем рту появляются первые признаки слюны. Закончив с пятой

задачей, переходит к предыдущей, затем ещё к одной. И вот, наконец, до первой добрался. Но тут, забитые волной жуткого страха куда-то в самые потаённые уголки, естественные процессы его организма вдруг спохватываются, и возвращается знакомое при пробуждении утром состояние. Разница лишь в том, что утром он лежал на коечке и туалет был в двух шагах, а теперь Веня в огромной переполненной аудитории, а где туалет – толком еще не знает. Вообще-то, после решения задач и проверки, полагалось переписать их с черновиков начисто и сдать вместе с черновиками, чтобы экзаменаторам было легче было разбираться в написанных каракулях. Но тут Вене стало совсем дурно, и он понял, что еще десяток секунд, и до туалета добежать он просто не успеет. О переписывании даже и думать смешно. Бросает взгляд направо – выйти обычным образом тоже не успеть, пока двое будут вставать, давая ему пройти. Выбирает кратчайший путь: забирается на тот длинный столик, на котором лежат листки, и прыгает с высоты полутора метров прямо в нишу, где стоит эпидиаскоп. Не только боковым зрением, даже лопатками чувствует, как все оборачиваются ему вслед: никак у абитуриента крыша поехала. С безумным выражением лица подбежит к ближайшему экзаменатору, молча суёт ему свои черновики, и уже на полных парах устремляется к туалету. Что там о нём подумали, – уже всё равно. Успел!

Назад, конечно, возвращаться, чтобы проверить, дописать, объяснить – правилами не предусмотрено. Идёт опу-

стошенный в общагу и падает на койку. Сколько же он там высидел? Никак не больше полутора часов. И то ещё удивительно, что высидел и даже что-то решил. Ладно, чёрт с ним! Если хоть на трояк натянул, и то, считай, повезло. Эти сутки ничего не ест, пьёт только крепкий чай без сахара. И все мысли гнусные лезут: «Что же это я такой невезучий!»

Результаты письменного экзамена сообщат только через три дня, когда придёшь сдавать устный. Правда, список двоечников вывешивают уже на утро следующего дня. Утром настроение паршивое – впору вешаться. Лежит угрюмо с мыслями: «Никуда не пойду». Ребят попросил: «Будете в корпусе, посмотрите там и меня заодно». Через час приходят: «Нет в том списке тебя. На три раза просмотрели». Это уже кое что. Значит, трояк, как минимум, есть. Ладно, не будем вешать носа. Надо готовиться к следующему экзамену. Веня заправляет койку, делает зарядку, умывается. Жизнь продолжается.

К следующему экзамену Веня, признаться, готов был ещё меньше, чем к первому. Там одни задачи нужно решать, а здесь и теоремы заучивать, да ещё с доказательствами. Но хуже всего – мысли о том, что к физике он вообще не готовился, а о сочинениях имеет весьма приблизительные представления. Хотя, с другой стороны, изнурительной зубрёжкой можно любые мысли задавить. Наконец наступил день устного экзамена. Накануне тщательно выбирал

в столовке самые надёжные блюда. Утром пошёл на экзамен, птички что-то там исключительно жизнерадостное чирикают, солнышко прямо-таки ласкает, навевая какие-то неясные надежды. В голову сплошная дурь лезет, вроде «последний парад наступает...».

Экзаменатор в белой тенниске и в прекрасном настроении. Всё шутит, хотя по глазам видно, что ему тоже хочется в такой день на пляж к шоколадным девушкам. Билет попался с не очень сложными вопросами. Первый совсем простой: «Дать определение окружности». Веня бойко отгарабанил: «Совокупность точек, равноудаленных от центра». Препод смотрит на него с лёгким удивлением, как на ископаемое:

– Что это за совокупность? В кучу их собрали что ли?

Веня отвечает, чуть запинаясь: «Ну... это, значит... геометрическое место точек такое». Сам подумал: «что ты, паразит, придираешься?» А экзаменатор ему:

– А вот у Вас в билете написано: дать определение окружности, как предела периметров вписанных и описанных многоугольников при неограниченном удвоении числа их сторон.

Ну и педант попался! Веня даёт ему то, чего он хочет.

– Придется дать Вам дополнительный вопрос.

И даёт. Веня отвечает, только чувствует, что опять ему что-то там не нравится. Вроде бы правильно, но не совсем точно. Им, понимаешь, математикам точность – это главное. После третьего дополнительного тот решил посмотреть

на Венин экзаменационный лист: где это он учился и что у него там по письменному экзамену. Подходит, разворачивает лист и говорит:

– А Вы зачем на устный экзамен пришли? Вы же уже поступили.

Смотрит Веня в табличку и глазам своим не верит: за каждую из пяти задачек у него там стоит по пятаку. Перевернул лист – нет ошибки – его фамилия. Экзаменатор ему руку пожимает:

– Поздравляю Вас, молодой человек!

С экзамена Веня дунул напрямиком на пляж. Впервые со времени своего прибытия в Новосибирск. Об экзаменах уже даже не думает. Чудо, оно на то и есть чудо, что объяснить его невозможно. Раз так, то чего голову ломать? Только к вечеру спохватился: надо телеграммы дать. Домой – матери, на судно – невесте, в Минск – брату, который в военном училище курсантом. Затем идёт в общагу. Кожа горит – перебрал солнышка на радостях. У Виктора сестра схватила две четверки, сам он по письменному – четвёрка, на устном – тройка. На Веню они смотрят, как Ленин на нэпмана. Подозревают, что тут роль сыграл рабочий стаж, пролетарское происхождение или что-то там ещё. Предположить, что он просто честно смог решить все задачки, да еще в состоянии полного одурения – это было выше их сил. Тот парнишка с фамилией великого композитора уже на первом экзамене срезался. Из солидарности по пол дня Веня готовит с Вик-

тором физику. Этот предмет на чистой зубрежке не возьмёшь, поэтому здесь его знания явно превышают викторovy. В день экзамена приходит с пляжа и видит, как его напарник молча и угрюмо собирает чемодан. Кое-как растормошил его. Выяснилось, что формулировки законов он ещё знал, а вот задачки не решил ни одной правильно. Экзаменатор с ним умаялся за три часа и говорит:

– Предлагаю последний тест. Ответите правильно – ставлю тройку. Вот простейшая цепь из последовательно соединенных батареи, реостата и вольтметра. Сдвигаю ползунок реостата влево. Куда отклонится стрелка?.

Витя ответил наугад, уже ничего не соображая:

– Влево, естественно.

А он говорит с сожалением:

– Идите с миром. Вам физикой заниматься противопоказано. Поступайте хотя бы в консерваторию, там физика не обязательна.

И вкатил двояк. Веня повздыхал солидарно, но нутром чувствовал, что гораздо больше, чем двояк, Витю огорчил упущенный «Жигуль», который был обещан папой.

С недельку Веня позагорал, а затем пора было уже подумать и о житейских проблемах. Папы с «Жигулем» у него не было, надо было устраиваться на работу до начала заня-

тий. Только в этом случае Веню оставляли в общежитии. Пристроился резчиком бумаги в типографию Института математики. Тут приходит ему посылка с морей: трехлитровая банка красной икры и четыре хорошо прокопченных балыка горбуши. Устроили пирушку в общежитии. На судно Веня послал заявление об увольнении с просьбой выслать расчет и трудовую книжку. Невесту засыпал телеграммами: «Жду, скучаю, целую» и все такое прочее. Уехать с путины, вообще, не просто. А тут еще одна проблема. Во Владивостоке Валя вступила в жилищный кооператив и внесла первый взнос на однокомнатную квартиру. Ясное дело, эти деньги уже уложены в бетон, и вернуть их не так-то просто. И всё же этих денег вместе с вениным расчетом при увольнении с судна должно было хватить на год студенческой жизни. К приезду невесты он должен найти где-то комнату, ибо ожидать, что первокурснику дадут отдельную комнату – было бы слишком наивно.

Работа в типографии резко отличалась от морской. Сделав то, что от него требовалось, за час, Веня с интересом вникал в устройство и эксплуатацию ротапронта, помогая печатнику Лёшке. На цинковых формах была Валя, женщина с простым русским лицом, разведёнка с двумя детьми. Муж, как водится на Руси, был горьким пьяницей. Две переплётчицы, Нина и Ольга были серьёзными женщинами, в годах. Летом в институтах работы мало, поэтому все частенько сидели просто ведя разговоры о жизни, ближе знакомясь

друг с другом. Веня показывал им фотографии своей невесты. Они учили его жить, жалели по-бабьи и всё вздыхали, что жизнь студента – не сахар, трудно придётся. Веня помалкивал. Что такое трудно, он уже неплохо знал, и считал, что самое трудное в жизни – позади, а впереди – лишь самое интересное. Переплетчицы, желая подбодрить, шутили:

– Вот закончишь университет, глядишь, и тебе будем диссертацию переплетать.

Он вяло возражал:

– Вряд ли. Я ведь на физфак поступил, а не на математику.

Однако, жизнь показала, что они пророчествовали. Они будут переплетать и диссертацию и его книги, только сбудется это очень не скоро.

В сентябре начался учебный год, только по традиции первокурсников направили в колхоз в деревне Морозово. Веня же записался в строительный отряд, работавший на возведении спорткомплекса университета, поскольку ожидал приезда невесты. Делали опалубку, в которую лили бетон для фундамента. Работали вполсилы, поскольку надо было беречь силы для штурма сияющих вершин высоких истин, а бетон – он как-то приземляет. Его временно поселили в комнате с третьекурсником Валерой с матфака, к которому приехала невеста из Владивостока. Вместе они и направились на поиски жилья. Нашли по объявлению комнаты в Новом поселке. Хозяйка имела физиономию продувной

бестии с рынка, заломила по 25 рубликов за каждую комнату. Они согласились и договорились переехать на неделю. Однако на следующий день хозяйка Вене отказала, якобы из-за тесноты.

Он нашел комнату на соседней улице Менделеева. Эта хозяйка была куда более интересной женщиной. Звали ее Пана Константиновна. Была она широка в кости, а лицо её сочетало признаки русской красоты с хитринкой узких якутских глаз. Любила поговорить. Из этих рассказов Веня узнал, что в молодости училась в институте на геолога. Бывала на практике в дальневосточных экспедициях. После одной из таких практик родила сына, на том её учеба и закончилась. А потом продолжала работать в геологических партиях лаборантом. Однажды работали с рудой, которая оказалась сильно радиоактивной. Всю партию потом лечили в Крыму, затем отправили на пенсию, дав инвалидность второй группы.

Хозяйка денежки любила. Кроме весьма солидной пенсии она жила сдачей своего дома. Одну из самых маленьких комнаток занимал хозяйкин сын Слава, высокий и очень красивый парень, который взял для внешности всё лучшее от русских и якутских кровей. На всё остальное ресурсов не хватило. Формально, он учился на третьем курсе мединститута. Фактически же, целыми сутками спал, пьянствовал, глотал «колёса», приводил каких-то девок. Стипендии никогда не получал и панически боялся экзаменов.

Остальные три комнатки и веранду хозяйка сдавала жиль-

цам. Сама она спала на улице под навесом рядом с туалетом, что слегка затрудняло пользование этим очагом культуры. Жильцам она говорила, что спать на открытом воздухе ей приписали врачи, хотя Вене казалось, что это сказываются её геологические привычки и любовь к деньгам. Когда наступали морозы, она уезжала на всю зиму в Белокуриху «на лечение». К счастью, прижимистость, видимо, была единственным крупным недостатком этой хозяйки.

Большую комнату занимала весьма интересная семейная пара Дубровиных, приехавших, кажется, из Хабаровска. Вита был видным мужчиной высокого роста с пышными черными усами. Работал лаборантом в Институте ядерной физики. Жена его Нелли была совсем миниатюрной и пухленькой. В детстве она переболела полиомиелитом и ходила сильно прихрамывая на левую ногу. Когда-то работала библиотекарем в своем тихом городе, но здесь автобусы в любое время дня так переполнены, что не всякий здоровый человек порой в них влезет. Более флегматичной пары трудно было и представить. У обоих очень тихие спокойные голоса и весьма неторопливые движения. В сравнении с ними остальные жильцы казались просто нервными, а хозяйка – действующим вулканом.

Вторую большую комнату занимали самые разные люди и всегда на очень непродолжительное время. Из всего потока запомнился Лёшка, очень веселый парень, вернувшийся из армии и поступивший работать водителем автобуса. Вско-

ре он женился на медсестре и на какое-то время исчез с вениного горизонта. На более длительное время в этой комнате задержался очень молчаливый и даже угрюмый парень Миша, который приехал из глухой сибирской деревни и посещал подготовительные курсы в университет. Время от времени он обращался к Вене с какими-то задачками. Большую же часть дня он спал, а ночами напролёт читал подряд все книжки и подшивки старых журналов, которые попадались ему на глаза. Видать, в деревне с книгами было совсем плохо. Миша тщательно сторонился людей и даже ел в своей комнате, развернув какие-то узелки и кулёчки, привезённые от родителей. В кухню выходил только за кипятком. Сделав предположение, что он стесняется своей бедности, остальные жильцы неоднократно приглашали его за накрытый стол, но он упорно отнекивался. Только однажды он слегка оттаял, когда его напоили за новогодним столом.

Веранду сдавали только летом и также случайным людям, а в самой маленькой комнатке предстояло жить Вене с женой Вале́й. Комнатка имела узенькое окно, выходящее на огород. Большую её часть занимала хозяйская кровать с панцирной сеткой, круглый столик у самого окна и стул. Между кроватью и стеной оставался узкий проход, в котором двоим разойтись было невозможно. Веня подобрал у магазина ящик из под хозяйственного мыла и сложил в него свои книжки. Ящик одновременно служил и табуреткой. Чемоданчик свой он запихнул под койку. Вешалка для одежды

находилась в коридоре. Больше в комнате ничего не помещалось. Платить за нее назначили двадцать пять рублей, в то время как большие комнаты сдавались за тридцать. Веня был студентом, да ещё почти семейным, и нужно было научиться экономить на всём.

К приезду невесты следовало купить всё, что понадобится для семейной жизни. Впервые в жизни он испытывал эти необычные и приятные ощущения, что теперь должен заботиться о другом человеке. До сих пор лишь другие заботились обо нём: в детстве – мама, а позже – государство, которое выдавало ему форму, паёк и наряды вне очереди. Вначале Веня купил тюфяк, подушки, одеяло, простыни, наволочки. Затем обошел посудо-хозяйственные магазины с целью приобретения тарелок, вилок, ложек. Таким образом, он знакомился с городом Новосибирском. Любопытство завело его и в соседний город Бердск, где в одном из магазинов он купил набор кастрюль и сковородку. Когда он нёс это побрякивающее на ходу хозяйство в сетке, на выходе из магазина попала рано состарившаяся от беспробудного пьянства женщина. Выглядела она совершенной старухой, одета была в какое-то вонючее рваньё, а на руках бугрились почти чёрные трубочки вен. Женщина сказала потухшим голосом:

– Заботливый какой мужик. Наверное, любишь жену-то свою. Я вот тоже раньше... – и она махнула рукой в сторону какого-то далеко оставленного прошлого.

Наконец пришла телеграмма: «Встречай...». Веня побрился, смочил одеколоном платочек и помчался в Толмачёво. К приезду невесты, как и к его появлению в Новосибирске, природа подарила такой же солнечный и безоблачный день, хотя в это время наступила уже ранняя осень. Одета Валечка была в лёгкое летнее платье и казалась ослепительно красивой. Имущество новой семьи разом увеличилось на один чемодан, правда он был габаритами вдвое больше вениного. Они взяли такси и понеслись с ветерком к своему прекрасному и вполне реальному теперь будущему. Когда уже в академгородке Веня объяснил таксисту, что нужно проехать еще несколько остановок до Нового поселка, тот наотрез отказался ехать за черту города и высадил их на остановке «Центральный пляж». Они остались одни в этом безлюдном в это время месте, и лишь чемодан был свидетелем того, каким бесконечно долгим поцелуем возмещали те сотни часов и те тысячи километров, что разделяли их прежде, когда всё валилось из рук и они порой не слышали обращавшихся к ним людей, потому что в это время души их витали в совсем ином эфире, пытаясь уловить там очень слабые, но распознаваемые только ими обоими сигналы.

К их приезду соседи приготовили праздничный стол. Невеста всем понравилась. Допоздна звучали тосты за семейное счастье, здоровье будущих детей и будущие успе-

хи на научной стезе. Ночи были слишком коротки для них, а утром ждала огромная прорва срочных дел. Пока Валя занималась обустройством нового крохотного гнёздышка и приготовлением пищи земной, Веня колот дрова, возил воду на ручной тележке из ближайшей колонки, шуровал печку. Затем они почистили перышки, надели парадные костюмы и поехали в ЗАГС, где предъявили справку из аналогичного владивостокского заведения. Вообще-то они представляли эту процедуру несколько иначе, чем она оказалась в действительности. Пожилая усталая женщина внимательно просмотрела их документы, молча выписала свидетельство о браке и, лишь когда поздравляла, немного оживилась. Наверное она прикидывала профессиональным глазом, долго ли проживут эти бедолаги в тех самых любви и согласии, что она им пожелала. И решила, что недолго. Не дольше, чем большинство других, которых она уже успела развести за свою продолжительную работу в этом учреждении.

Потом новобрачные заказали столик в ресторане Торгового центра, который в народе называют «поганкой» из-за его круглой грибовидной крыши. Танцевали, пили шампанское, закусывая шоколадом и прощались с прежней независимой и беззаботной жизнью, потому что впереди их ждали положенные всем студенческим семьям тяготы и лишения, о которых в этот день хотелось забыть.

В ближайшую субботу пришел Валера со своей женой Галей и каким-то здоровяком Николаем, которого он представил своим однокурсником. Николай оказался штангистом. В свете подготовки к предстоящей зиме, Валера предложил съездить в Морозово, где студенты-первокурсники собирают картошку. План был таков: едем в Бердск, берём напрокат велосипеды, затем дуем в Морозово, набираем на халыву с поля по паре мешков отборной картошки и, не торопясь, возвращаемся с победой. А потом можно будет сделать ещё рейс-другой, если возникнет желание. Валера был опытным студентом, а Веня – покладистым. Вот только с мешками возникла проблема. Он взял у хозяйки рюкзак и один маленький мешок. По дороге в Бердск и затем уже, крутя педалями, размышлял о том, как трудно создавать хозяйство с нуля: ребята привезут домой каждый по два полноценных мешка с картошкой, а что привезёт он сам?

День был солнечным, а дорога оказалась неблизкой. Все вспотели и несколько раз останавливались отдохнуть. По дороге часто попадались чьи-то огороды, и кто-нибудь из компаньонов предлагал: может натырим тут поблизости, чем из такой дали переть. Но они всё же имели какие-то остатки честности, которые изредка встречаются и у бедных студентов. Частника было жаль, он работал после основной работы. Государство – совсем иное дело: «Все вокруг колхозное, все вокруг – мое». Наконец доехали. Убранная картошка на по-

лях высилась терриконами. Торопливо набили мешки, пока не увидел какой-нибудь совхозный бригадир. Время уже было где-то в районе ужина, а путь представлялся теперь не таким коротким, каким он виделся из Нового поселка.

Уже когда ребята крепили мешки: один под рамой, другой сверху – на раме, все начинали понимать, что впереди самая трудная часть пути. Когда же прошли первый десяток метров, то с каждым следующим шагом явно чувствовали, как прежняя решимость неуклонно убывает, растворяется, исчезает. Через сто пятьдесят метров ребята решили отсыпать немного из верхнего мешка, который слишком раскачивал велосипед. Отсыпали по половине. Веня терпеливо ждал, отсыпать ему было нечего. Стала немного полегче, но ненадолго. Еще через двести метров поступило предложение спрятать велосипеды в лопухах и сходить поужинать со студентами-первокурсниками. В столовке было шумно и весело. Нужно было лишь взять относительно чистую алюминиевую миску и получить на раздаче черпак дымящегося варева и обжигающую кружку с чаем. После сытной еды разомлели, захотелось полежать. Идти никуда не хотелось, тем более, что уже явно начинало темнеть. Ребята решили заночевать здесь и устроились на соломенных тюфяках, накрывшись чьими-то куртками. Веня чувствовал себя неудобно, ибо знал, что Валюша будет беспокоиться, искать. Наконец, поворочавшись, заснули.

Наутро вскочили, наскоро попив чаю, вернулись к сво-

им велосипедам и с огорчением обнаружили, что за ночь их никто не спер. Молча, угрюмо двинулись вперед, раздвигая тугой, сырой воздух плечами. Однако уже через полчаса солнышко жарило немилосердно. Птички беззаботно зачирикали, откуда-то появились стрекозы, и густые ароматы трав призывно манили отдохнуть в высокой траве. Добытки шли упрямо, проклиная всё на свете, а особенно тот миг, когда решили стать хозяйственными мужиками и кормильцами семей. Дорога петляла, и каждый поворот до безумия походил на предыдущий. Перелески, поля, огороды слились в один непрерывный кошмар. Казалось, дороге этой никогда не будет конца, они обречены, как Сизиф и Каин на бесконечное дурное однообразие тягостных мыслей, движений и ощущений.

Уже после первого километра ребята решили, что больше одного мешка им не довезти. Веня взял у одного из них полноценный мешок, заменив им свой карликовый. Из рюкзака картошку высыпать не было резона, поскольку он весьма кстати уравнивал тяжесть мешка, оежащего на раме велосипеда. Теперь он был на равных с другими и даже немножко в выигрыше. Как ни странно, первым начал сдавать штангист Коля. Он страшно потел, скрипел зубами то ли от напряжения, то ли от злости, и через каждые пятьсот метров останавливался отдохнуть. Веня знал по опыту, что наиболее экономичным режимом является именно неторопливое и непрерывное движение. Это помогало экономить силы.

Валера оставался отдохнуть со штангистом, а Веня далеко уходил вперед. Когда он устраивал малый привал, то до подхода товарищей успевал хорошо отдохнуть. Они же подходили, едва волоча ноги. В какой-то момент Коля отшвырнул велосипед, упал бревном в траву и завопил надрывным голосом:

– К чёрту эту картошку! Я не смогу её есть, даже если доведу. Но я и так знаю, что не доведу. Лучше пристрелите меня здесь и сейчас.

Видимо, в рывке эти спортсмены, действительно, значительно превосходят других людей, а в монотонной работе – слабаки. Валера предложил Вене:

– Иди вперед без нас. Ты дойдешь. Потом вернёшься с подмогой.

Тут бы самое время посмеяться. Всё, как во фронтовом фильме, хотя дело идет всего лишь о картошке. Да и то лишь об одном мешке. И не на горбу, а на добром велосипеде. Уж не погибает ли он? В начале экспедиции всем так казалось. Тем более, что Веня никогда не бывал в Морозове, полагаясь на опыт старших товарищей. Раз уж он оказался таким дураком, мешок следовало, конечно, довести, но за следующим он бы пошел только за очень серьёзные деньги, на которые можно было бы купить мешков десять картошки.

Он не помнил, как дошёл. На окраине поселка его встретили перепуганные Галя и Валентина. Увидя живым и с добычей, ругать не стали. Веня свалил мешок с велосипеда,

снял рюкзак с затёкшей спины. Несмотря на уговоры передохнуть, двинул вместе с женщинами назад. Вести пустой велосипед было не просто отдыхом – райским наслаждением. А вы говорите: «Баунти». Двух остальных героев они встретили шагающими так же налегке, без картошки. Слегка пристыдив, их завернули назал, нашли брошенные мешки, перегруппировали картошку на три велосипеда и почти с песнями въехали в посёлок. Валера сказал потом: «Ну ты и жиллист!». А что? Веня спортом не занимался. На судне баловался со штангой только для удовольствия.

6

Валя устроилась работать в СМУ-2 изолировщицей. Сначала Веня даже не знал, что это такое. Когда узнал, пришел в ужас. Это очень тяжелая работа. Бригада женская. Лишь один мужик работает на растворном узле. Женщины накладывают на трубы теплоизолирующие покрытия из прессованной асбетовой крошки и стекловаты, прикручивают их к трубам проволокой, затягивая концы пассатижами, затем заделывают швы цементным раствором, который они носят полными ведрами в руках. Побывав в первый раз у них на работе и потаскав эти ведра, Веня приказал Валюше немедленно увольняться. Она засмеялась:

– Я крепкая, выдюжу. Здесь квартиру обещают в течение года дать. Тебе еще пять лет учиться. А ты знаешь, что в ин-

ститутах квартиры дают через восемь-десять лет?.

Веня сдался. По ночам целовал её натруженные руки, смазывал шершавую кожу кремом. Надо было жить, стиснув зубы. Сам он обычно подрабатывал грузчиком, летом ездил на строительные «шабашки», но об этом – отдельный разговор.

Тем временем из сахалинского пароходства Вене пришёл расчёт за отработанную перед поступлением путину. Денежки были по местным масштабам немалые, на них можно было держаться долго. Однако Валя решила сделать на них мужу подарок в честь поступления в университет и остановила свой выбор на аккордеоне. В сильные морозы они объездили весь Новосибирск в поисках подходящего инструмента. А нашли его прямо в Торговом центре академгородка, зайдя туда как-то случайно. Это был совершенно фантастический аппарат немецкой фирмы «Wetlmeister», сверкающий темно-красным перламутром, пятиголосый, с двенадцатью регистрами тембров для правой руки и пятью регистрами для левой. До этого Веня играл лишь на вконец раздрызганных и обшарпанных профкомовских аккордеонах, меха которых сипели, пропуская воздух через дырки, образовавшиеся из-за отлетевших металлических уголков. Цена аппарата была тоже фантастической – пятьсот шесть рублей. Пианино марки «Красный октябрь» стоило лишь на пятнадцать рублей дороже. Вене было очень жалко отдавать такие деньги, но это лишь позадорило жену, которая увидела в его глазах воз-

МОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ САМОЙ ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЫ.

Наука начинается с учёбы

В университете начались занятия. Это был такой высокий класс, что только сейчас Веня начал понимать, как много было им пропущено из-за того, что он не окончил стандартной десятилетки. За годы работы на море были также забыты сами навыки обучения. Кроме того, стандартный студент живет в пяти минутах хода до учебного корпуса. Ему не нужно пилить и колоть дрова, заготовливать на зиму уголь, возить ежедневно воду и делать многое другое, что отнимает так много времени. Но у него было главное – ему это нравилось безумно. Он был счастлив, что нашёл, наконец, своё дело. Там на море Веня зарабатывал в пугине пятьсот в месяц плюс бесплатное питание и каюта. Такого на берегу не имели даже шахтеры. После университета он не достиг этой отметки, даже защитив докторскую через много лет. И все же он потом никогда не был так счастлив, как в эти годы, получая тридцать пять рублей стипендии.

Хозяйка дома организовала среди жильцов «дежурства по кухне» с понедельным графиком. В это понятие входили заготовка дров, мытьё кухни и коридора, подвоз запаса воды из колонки и множество других мелочей. Жильцы начали шутить насчет армии и Устава, когда она завела книгу с графиком дежурств, где все должны были расписываться в приёме-сдаче дежурства. Сама она, понятно, не участвова-

ла в этом расписании, осуществляя общее руководство. Когда же она потребовала включить приборку сортира на улице в список обязанностей дежурного, Веня устроил бунт. Зная, что она любит подслушивать разговоры жильцов, стоя под дверями комнат, он совершенно распоясался и начал орать:

– Эти кровопийцы дерут со студента двадцать пять рублей за комнату площадью 2,7 квадратных метра, когда моя стипендия всего тридцать пять рублей, а мы еще сортиры должны ей мыть. Да я её утоплю в том сортире!

Жена, подыгрывая ему, успокаивала:

– Не кипятись. Сортир, это, конечно, перебор, но надо сказать об этом хозяйке спокойно и прямо.

Вечером хозяйка отвела её в сторонку:

– Вы люди разумные. Учитывая ваше скромное финансовое положение, я решила брать с нас за комнату не двадцать пять а двадцать рублей.

Вопрос о сортире больше не возникал.

Зима в 1968 году выдалась невероятно лютой. Нередко морозы достигали температуры минус сорок восемь градусов. Двигатели автомашин плохо заводились, транспорт ходил кое-как. Из Нового поселка утром люди добирались, голосуя любой попутке. Набивались в кузова грузовиков. Несколько раз из-за морозов отменяли занятия, а у Вали на работе «активировали» дни, потому что работа у них, большей частью, на открытом воздухе. Интересно, что Веня за эту зиму ни разу даже не чихнул. Утром он выбегал

на двор в трусах, бросался в сугроб, растирался снегом, махал гантельками. Потом надраивал тело полотенцем и шёл одеваться. Это был запас здоровья еще с моря.

Дом, который они снимали, шлаколитой, значит – холодный. Отопительная система была собственной конструкции хозяйки. Она представляла собой две тонкие трубы сантиметров пять диаметром, опоясывающие дом по периметру. Хозяйка на зиму уезжала, организовав сменное дежурство жильцов. Печку топили углём круглые сутки. Ночью вставляли два-три раза шуровать кочергой, иначе проснуться могли не все. Окна комнатухи Вени и Вали покрывались толстым слоем льда. Головы примерзали к подушкам, ибо в комнате по ночам температура была восемь-десять градусов, днем около двенадцати. Спасение было в том, что они были молоды. В семь часов вставляли и одевали всё теплое, что у них было. Пока Валя умывалась, Веня шуровал печку. Затем ели, стоя вокруг печки, поставив эмалированные миски и кружки прямо на плиту. Сесть на табуретку – значило потерять часть тепла. Ели плотно, потому что на холоде тратится много энергии. Затем бежали к дороге останавливать попутные машины, ибо автобусы ходили редко.

После занятий в университете возвращаться домой было неохота. В комнатах жильцы сидели в шубах, шапках, валенках и рукавицах. Тепло было только в кухне около печки, но все разом там не помещались. Поэтому, налив кружку горячего чая, возвращались в комнаты. Читать книгу было

непросто, ибо чтобы перевернуть очередную страницу, нужно было вынимать руку из меховой рукавицы.

Однажды, проходя мимо доски объявлений в университете, Веня увидел белый листок с картинкой, привлечшей его внимание. Там был изображен могучий мужчина с фантастическими буграми мышц, а ниже шел текст, приглашающий записаться в клуб культуристов «Гармония». Это ему понравилось, ибо после занятий на судне здесь он скучал по штанге и хорошей нагрузке. На отборочный конкурс пришли человек двадцать. Разделись, построились. Хорошо накачанные ребята из правления клуба прошлись вдоль строя, как рабовладельцы на Нью-Орлеанском рынке, только что в зубы не заглядывали. Вакансий было всего восемь. Четверых отобрали за перспективные фигуры. На Вене взгляд не задержался, так как весу в нём было 64 килограмма и было слишком очевидно, что нарастить приличную мышечную массу на эти килограммы вряд ли возможно. Остальным предложили отжать штангу, чтобы отобрать еще четверых по лучшим результатам. Техники Веня, конечно, никакой не знал, оставалось надеяться только на жилы. Справа от него стоял крепыш явно штангистского телосложения. Оба были самыми легковесными, и после попыток других ребят осталось одно место, на которое должны были взять лишь одного из оставшихся. Ребята заказали вес семьдесят килограммов. Штанга шла тяжело, но в конце концов оба взяли вес. Можно было накидывать по килограмму, как это делают профессио-

налы, но какой-то маленький чёртик толкнул Веню под левое ребро и он заказал семьдесят пять. Поскольку на судне занимался не для спорта, а из удовольствия, такого веса раньше не брал, и было это чистейшим авантюризмом. Отдохнув, он принял штангу на грудь, помянул про себя тройным морским загибом Германа, впервые поставившего его на судне к штанге, задержал дыхание и плавно повёл вес вверх, выжимая не только остатки сил, но, видимо, ещё какие-то резервы энергии, которые можно извлечь только отчаянием. Очнулся только, когда вокруг закричали:

– Парень, да бросай ты её! До вечера что ли держать будешь?

Соперник Вени этого веса не взял, хотя оказался пареньком настырным и позже всё равно появился в клубе.

Занятия культуризмом здорово помогали снять умственное напряжение от изучения мудрёных наук, а главное – сокращали время пребывания дома в холодной комнате, ибо в университете топили хорошо. Через полгода Веня имел явный прогресс в контрольных упражнениях, которые выполняются на соревнованиях: жал девяносто, приседал со двадцитакилограммовой штангой на плечах, подтягивался на перекладине тридцать раз, и даже научился подтягиваться на одной руке. Правда, на этих соревнованиях самыми главными были демонстрации мускулатуры для публики. Молодые гераклы перед выступлением втирали в кожу какую-то смесь, в которую входил раствор марганцовки для придания

коричневого оттенка, а сверху натирали растительным маслом. Таким образом, имитировали шоколадный южный загар. Затем они выходили на помост и вставали в красивые позы, поочередно напрягая различные группы мышц на руках, груди, спине и ногах. Наверное, девушкам это должно было нравиться. Вене на демонстрациях, естественно, делать было нечего со своей худобой. Для его честолюбия достаточно было, что на контрольных упражнениях он выглядел неплохо. Самое же приятное было в том, что ощущаешь себя просто здоровым человеком.

К сожалению, штатные преподаватели кафедры физвоспитания смотрели на культуристов косо, называя всё то, чем они занимались «тлетворным влиянием Запада». На самом деле, это была обыкновенная ревность, ибо в культуристы шли перспективные ребята, которые при отсутствии клуба, возможно, пришли бы к ним в секцию тяжёлой атлетики учить три основных упражнения: жим, рывок, толчок, – и зарабатывать очки для университета на соревнованиях штангистов. С ребятами этими культуристы пересекались иногда в зале. Это были большей частью обыкновенные «шкафы», хранилища необработанного мяса, неповоротливые и неразговорчивые.

Просто так закрыть клуб кафедра, конечно, не могла, ибо университеты во всем мире являются как бы островками демократии. Члены клуба сдавали взносы, на которые был приобретен весь инвентарь: штанги, наборные гантели, тре-

нажёры, скамейки. От университета нужно было только помещение для занятий и душевые. Располагалось это хозяйство в правом крыле Вычислительного центра на первом этаже, где сейчас размещается библиотека. Прихлопнули клуб классически. Через год был сдан новый корпус спорткомплекса с сауной. И тут оказалось, что все дневные часы расписаны между «правильными» секциями, одобренными партией и благословлёнными кафедрой физвоспитания. Клубу предложили время с 11 часов вечера два раза в неделю. Кто занимался, понимает, что после занятий штангой часа два ты ещё заснуть всё равно не сможешь. То есть, если к часу ночи ты закончил и принял душ, то заснёшь часа в три. А с девяти утра уже начинаются лекции. Так что в клубе осталась лишь пятёрка фанатов. Это были студенты старших курсов и аспиранты, у которых расписание было посвободнее, чем у первокурсников.

С целью дальнейшего сокращения времени пребывания в холодной комнате, Веня решил записаться и в другие секции. Прежде всего, он посетил секцию йогов. Йоги были также под запретом, потому что в то время, когда вся страна напрягается для перевыполнения планов пятилеток, они концентрируются только на себе. Во избежание возможных репрессий, йоги не проводили коллективных занятий, по крайней мере открыто. Единственная польза от секции была в том, что она имела свой книжный фонд, а литературы по этой тематике в магазинах и вовсе не было. В основ-

ном, по рукам ходили перепечатанные или перефотографированные книжки каких-то псевдоиндийцев. Счастливики, прочитавшие что-либо новенькое, делились своими впечатлениями с остальными. Требовались также хорошо знающие английский язык для перевода статей из западных журналов. Очередь на литературу была огромной, и Веня покинул этот клуб, так и не дождавшись первой книжки.

Следующим заинтересовавшим его клубом были эсперантисты. Изучить шестнадцать правил грамматики этого языка и четыреста пятьдесят корнеоснов для того, чтобы можно было общаться на любую тему, было совсем несложно. Студенты пели песни на эсперанто и совершенствовали навыки речевого общения. Веня никак не мог понять, почему в нашей стране внедрение этого языка не получает широкой государственной поддержки, а книг и словарей не найти «днём с огнём». Ему пояснили, что за рубежом и в нашей стране молодежь постоянно организует эсперантистские слёты, на которые приезжают из разных стран. Живут в палатках, поют песни под гитары и обмениваются впечатлениями и молодёжными проблемами. Из-за всех этих вольностей государству всё трудней поддерживать «железный занавес» и «границу на замке». Поэтому эсперантистов всё время стараются прищучить то по линии «разврата», то по линии наркотиков или пьяных оргий.

Преподаватель эсперанто Сибирцев дал студентам адресок одного старичка в городе, у которого можно раздобыть

словари и другую литературу, предупредив, что старичок прижимист по части денег. Веня поехал к тому старичку с приятелем. Это был реликт прошлой эпохи. Старичок прекрасно сохранился, был бодр и весьма разговорчив. Его профессией когда-то была фотография. Ныне он на пенсии, но и сейчас нередко его высокохудожественные работы берут на союзные и зарубежные выставки. Видно было, что ему скучно целыми днями сидеть одному дома, и он нуждается в слушателях. А порассказать ему было что. Приятели плюнули на все лекции, остались беседовать, и старичок начал поить их чаем. Он сохранил бережные воспоминания о дореволюционных временах, когда у него была своя фотография, мальчишки-фотографы и барышня на кассе. Именно тогда он и увлёкся эсперанто, а сейчас поторговывает литературой, чтобы как-то свести концы с концами. Взял он со студентов за словари вдвое больше цены, обозначенной на обложке, но, будучи человеком дореволюционных понятий честности, бесплатно дал им кучу каких-то журналов и брошюрок на эсперанто, а также невиданных марок с эсперантистской тематикой. Все расстались довольными.

На время зимней сессии занятия в клубах замирали, ибо студентам было чем в этот период заняться. Когда же они возобновились, преподаватель эсперанто предложил начать курс практически с самого начала из-за того, что многие пропускали целые темы. Тогда Вене стало скучно, и дальше он занимался самостоятельно.

Жизнь молодой семьи складывалась не без проблем. Первая беременность Вали окончилась выкидышем. Она потеряла много крови. Веня навещал её в Бердской больнице. Мог бы родиться мальчик. Оба страшно переживали эту трагедию, и Веня как мог утешал свою жену. По молодости лет он как-то не очень задумывался о проблеме детей, но понимал, что для Вали это самая главная, самая желанная цель. Причина выкидыша могла заключаться как в недостаточно качественном питании на море или в тяжёлой работе здесь на стройке – этого никто не мог сказать однозначно. Веня снова стал настаивать, чтобы она перешла на более лёгкую работу, но Валя стояла на том, что скоро им дадут квартиру, поэтому надо потерпеть. Когда у неё началась вторая беременность, по медицинским показаниям её перевели на лёгкий труд с третьего месяца с сохранением средней заработной платы. Самое интересное было в том, что примерно в это время соседка Нелли наконец-то также забеременела. Две счастливые женщины в одном доме – это немало, и наши кумушки часами ворковали друг с другом о своих текущих и будущих проблемах.

Поскольку на самой стройке лёгкого труда не бывает, Валу посадили в конторе принимать телефонограммы. Делать было почти нечего и она по очереди обходила кабинеты начальников. Придёт, сядет в уголочке и кушает свой кефир с булочкой, наглядно демонстрируя свой живот, расту-

щий с каждым днём. Она не только ничего не требовала, но и не просила, разве что выразительно молчала. И выходила. За два месяца до родов наконец-то дали комнату в бараке. Это был триумф. Правда, барак этот находился в ремонте и молодым предложили временно комнату в соседнем бараке. В тот же день они поехали смотреть своё первое жильё.

В то время в микрорайоне «Щ» было такое место, которое называлось Юнгородком. Именно там на улице Солнечногорская стоял дом номер пять, в котором четвертая квартира была распределена им. Через полчаса счастливые уже сошли с автобуса и двинулись в поисках своего барака. Вдруг Валя судорожно сжала венину руку, лицо её побледнело.

– Смотри, – сказала она и указала пальцем на окно с весёленькими ситцевыми занавесками, – его уже заселили.

Это был удар судьбы. Пока они строили свои воображаемые замки, какие-то проворные люди узнали о сдаче барака и успели въехать в новую комнату перед самым их носом. Такие истории случались, и в каждой из них выселить наглеца было практически невозможно. Но тут Веня заметил, что белая табличка на углу дома содержит цифру три, а не пять и согнулся от смеха. Валя тоже не выдержала и прыснула, вспомнив, что она чуть не упала в обморок, увидев свою квартиру занятой.

Зашли в свой барак. Это было длинное одноэтажное деревянное строение со сквозным коридором во всю длину. По обе стороны располагались свежерыкрашенные двери

с номерками квартир, а на полу в весёлом беспорядке были рассеяны вкусно пахнувшие деревом стружки, опилки, щепки. Новосёлы потрогали пальцами двери своей квартиры и спросили у работавшего плотника, скоро ли будет сдаваться барак. Он окинул взглядом глобус валиного живота, подмигнул хитровато:

– Что, не терпится? Однако, прибыль будет уже в своем доме.

На следующей неделе Вале дали ключ от временного жилья, и она тут же за трояк договорилась с шофером из своего СМУ перевезти вещи. Машина, правда, была не совсем подходящая – самосвал, да ещё перевозивший бетон. Но и вещей было – всего ничего. Первой вещью, привезённой в новую комнату, был малогабаритный холодильник, на покупку которого ушла ровно половина декретных денег. Но это была очень важная и нужная вещь для будущего ребенка. Затем поехали за остальными вещами в Новый поселок. На дно кузова постелили старые газеты, закинули в кузов свои чемоданы, какие-то узлы, посуду, банки с грибочками и вареньем – подарок соседей. Переселение было таким неожиданным и стремительным, что слегка напоминало бегство. Это даже немного обидело хозяйку. Новосёлы постарались как можно теплее проститься со всеми и пригласили их на новоселье.

Вот уже комната вымыта начисто и проветрена. Одежда развешена во встроенном шкафу, а два чемодана сиротли-

во жмутся в углу, как бедные родственники, не приглашенные к столу. Роль стола пока исполняет холодильник, а единственным стулом служит ящик из под мыла, набитый книгами. Комната в двадцать четыре квадратных метра кажется просто огромной после комнатухи площадью 2,7 метра. В комнате были два больших окна и две батареи отопления. В деревянном бараке с таким отоплением зимой должно быть очень жарко.

Первая практическая проблема формулировалась так: «Где будем спать?». В прежней комнатке койка и стол были хозяйкины. Веня вышел на промысел. Вокруг ремонтировавшихся барачков жильцами были выставлены на улицу самые разнообразные ненужные им вещи. Он без труда отыскал довольно приличную панцирную сетку, правда без спинок. Притащив десятка два кирпичей, соорудил довольно устойчивое подобие ножек. Там же нашёл стул, который пришлось немного починить. Как сладко им спалось в эту первую ночь в своей отдельной квартире. А через неделю или две они перебрались уже в свою комнату в отремонтированном бараке, где пахло краской и свежими обоями.

Поздно ночью отвёз Валю в больницу, а наутро узнал, что стал счастливым отцом. Роды были быстрые и без каких-либо проблем. Родилась девочка, которую назвали Стеллой,

ибо она, подобно звездочке, еще не родившись, указывала двоим путь в этой жизни и составляла цель её. Если бы Вене когда-либо в жизни нужно было представить самого счастливого человека, он вспоминал Валу в эти дни. Она просто излучала счастье на всех окружающих. А Веня? Как и полагается молодому папаше, он был озабочен: «чукча думать должен, как жить дальше». Дочку отметили шампанским в студенческом общежитии. В бараке с соседями тоже, только водочкой, более понятной простому народу.

Бережно внёс он этот крохотный, почти невесомый свёрточек в своё первое жильё. Развернул, с любопытством и гордостью разглядывал крохотные пальчики. За детской кроваткой объездил весь Новосибирск, нигде не нашел. Первые две недели дочка спала в раскрытом чемодане, затем все же он нашел кроватку в соседнем городе Бердске. Следующей проблемой была ванночка для купания ребенка. Тоже не было ни в одном магазине. Проходя вечером по улице, он заметил старую оцинкованную ванну, вывешенную на улице на стене нежилого деревянного дома. Решил, что нужную вещь вряд ли вывезят на улице, и ту ванну конфисковал. Проще говоря, украл. Конечно, он бы её купил, но в магазине нет товара, а здесь ванна есть, но нет хозяев. Искушение слишком велико.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.